

Дополнение к показаниям свидетеля защиты (сознание как хронотипический оппозитивный диалог)¹

© Глеб Арсеньев, 2004

Я предполагал включить следующий фрагмент в мою беседу с А. Н. Сенкевичем (см. его «Показания свидетелей защиты (из истории русского поэтического подполья 60-х годов)», М., 1992). К сожалению, «опасения» редактирующих и издающих (а может быть, и голоса из «внутренних цензоров») оказались весомей моих рассуждений относительно того, что только кажется канувшим в Лету. Мы обречены жить с прошлым (да оно и никуда не уходит), понимание которого предопределяет наше нынешнее самобытие, наше самостановление, наши экзистенциальные и трансцендентные пути. Обречены на уяснение сути абсурда и метафизического бунта, бытия-для-себя и бытия-для-других. И любая мысленная мелочь, касающаяся нас, не кажется мне заслуживающей невнимания и пренебрежения.

А теперь попытаюсь ответить на твой вопрос о книге А. Янова, точнее говоря, о тех главах из нее, которые были напечатаны в журнале «Нева»².

Для оценки этих глав в совокупности нужен кропотливый и затяжной разговор. Да и еще такой, который имеет косвенное отношение к тому, что мы обсуждаем. Хотя это еще вопрос – насколько косвенно (и косвенно ли?) связаны между собой литература, русская идея и 2000-й год. Нужно бы встретиться раз, другой, третий и устроить мозговой штурм этой проблемы. Согласен?

А теперь несколько замечаний в адрес А. Янова. Первое: он рассматривает как последовательно связанные взгляды трех поколений славянофилов и находит в них некоторую инвариантность. Вряд ли это справедливо. Первая волна славянофилов – это особая (по своему мировидению) группа. То, что о них «забыли» и их работ не читали (но не все, и даже в то время, о котором пишет А. Янов), не случайно: идеи К. Аксакова и И. Киреевского плохо совместимы с идеями третьей вол-

¹ Данная работа была написана определенное время тому назад, но она не потеряла актуальность и в наши дни. И поскольку она не была опубликована ранее, мы решили включить ее в настоящий сборник.

² Кажется, в пятом-седьмом номерах за 1992 год («Иваниана»). Обсуждаю лишь то, что меня особенно заинтересовало и представляется спорным.

ны славянофилов. И даже второй. И именно на эту третью волну, совмещившуюся с волной сверхрадикализма (ленинизма), и ориентировалась та часть славянофилов четвертого поколения, которые находились и находятся на правом фланге национального течения. Короче говоря, между классическим славянофильством и его последователями существовала и существует интеллектуальная и этическая несовместимость (судьба «Вече» служит этому подтверждением), но эта несовместимость не осознается А. Яновым.

Второе: неясны также – видимо, из-за отсутствия исторического и культурно-этнографического контекста (и глобального, и регионального) – причины смены идеологических установок у представителей третьей волны славянофилов (смены славянофильской классики тоталитарно-фашистской «неоклассикой»). На мой взгляд, решающую роль в этой смене сыграли утопические установки, являющиеся неотъемлемой частью социал-демократических (шире – сверхрадикальных, марксистско-ленинских) теорий прогнозирования будущего. Но, к сожалению, А. Янов эту проблему – проблему конструирования утопий – также обходит (ссылки на роман С. Шарапова – не совсем убедительное доказательство: появление и негативных, и позитивных утопий обусловлено, по-видимому, осознанием дефектности «образа мира» и сопротивлением чувству эсхатологичности, диктующем силовые приемы обустройства природной и социальной среды. И началось это сопротивление не в XIX и не в XX веке).

Третье: требует, по-моему, оговорки и использование ВСХСОН-ом (славянофилами четвертого поколения) и книги Н. А. Бердяева «Новое средневековье». Оговорка не в смысле оправдания или обвинения ВСХСОН-а. ВСХСОН выбрал из россыпи бердяевских идей идею по своему образу и подобию. Но следовало бы все-таки подчеркнуть – ради Н. А. Бердяева, – что его историософия – это, прежде всего, историософия, в которой базовыми элементами являются субъект и свобода.

Четвертое: вряд ли кажется целесообразным, рассуждая о взглядах Н. Данилевского, отрицать эвристичность предложенного им понятия *культурно-исторический тип* (это отрицание с неизбежностью следует из логики рассуждения А. Янова). И умалчивать о взглядах О. Шпенглера. И не упоминать об А. Тойнби. И не учитывать теоретических построений Л. Н. Гумилева и их эффективность для объяснений специфики этносов и способов их существования и самореализации. Короче говоря, утопические рецепты Н. Данилевского следовало бы отделить от его эвристических рецептов.

Попробую ответить и на твой вопрос – о журнале «Вече» и о справедливости его оценки А. Яновым, а также о моем участии в этом журнале.

Начну чуть-чуть издалека. Со ВСХСОН-а. К программе этой организации я относился отрицательно. Почему? А потому, что и тогда не считал всхновцев либералами (или, если угодно, либеральными националистами). Вспоминаю в связи с ними поговорку: «Тех же щей, да пожиже лей». Или эпизод из романа Ю. Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» — разговор Грибоедова с Бурцовым относительно грибоедовского проекта, поданного на рассмотрение Паскевичу и переадресованного Бурцову. Помнишь этот эпизод? Нет? Давай напомним.

— А вы, — закинул ногу за ногу и развалился Грибоедов, — вы в чертеже своем, — не стеклянном, другом, — вы о цели думали? Хотите, скажу вам, что у вас получилось бы?

— Что? — вдруг остановился Бурцов.

— То же, что и сейчас. Из-за мест свалка бы началась, из-за проектов. Павел Иванович Пестель Сибирь бы взял, благо там батюшка сидел. И наворотил бы. И отделился бы. И войной против вас пошел бы. <...> Кондратий Федорович, вкупе с вами, мужика бы непременно освободил, литературою управлял бы... <...> И сказали бы вы бедному мужику российскому: младшие братья... <...> временно, только временно не угодно ли вам на барщине поработать? И Кондратий Федорович это назвал бы не крепостным уже состоянием, но добровольною обязанностью крестьянского сословья. И, верно, гимн бы написал.

Точно так же я оценивал и литературоведческие «бунтики» в журнале «Молодая гвардия». Продолжающиеся и сейчас, но в основном в других журналах и газетах. Это были «бунтики» утопистов, оценивающих настоящее и конструирующие будущее, исходя из призрачных и фантомных элементов. «Бунтики» утопистов, не удосуживающихся даже подумать о том, какие из народных начал, питающих и мир духа, и мир быта, умерли, а какие сохранились (вспомни и сопоставь в связи с этим «Холмы» и «Лад» В. Белова).

Для меня оттенки в позициях «Огонька», «Октября», «Молодой гвардии» были оттенками одного основного цвета. Это были оттенки в позициях правого истеблишмента. Представлявших тоталитарную партийно-бюрократическую систему и защищавших ее. Но защищавших, капризная и взбрыкивая. В свою очередь, «Новый мир» тоже капризничал и взбрыкивал. Но это были капризы и взбрыкивания левого истеблишмента. Не отказывавшегося от родства с системой, но засомневавшегося в ней. И на это были весомые причины — знание глубинки и центров, непредвзятый подход к внелитературным фактам, умение слушать разных и непохожих, чуткость к смещениям в поведении и умонастроении, к тому, что стало называться диссидентством.

Вопреки А. Янову я полагаю, что коалиция «Огонька» и «Молодой гвардии» не переросла бы в политическую оппозицию: оппозиция возникает из противостояния и противопоставления одной системы коор-

динат другой. Но вот этой другой системы ни у «Огонька», ни у «Молодой гвардии» не было. Точки отсчета – сливались. Оба журнала жили в одном и том же мире авторитарно-тоталитарных ценностей. Следовали им. И служили службы Государству-Богу. И земным его заместникам.

В общем-то жил в таком же мире и «Новый мир». Хотя и стремился всячески подчеркнуть, что ценности, абсолютные для «Огонька» и «Молодой гвардии», для него – относительны (в лучшем случае, четвертьценности). По-видимому, именно такая установка новомирцев и послужила причиной письма одиннадцати и разгрома журнала. Режим мог еще согласиться на поправки М. Лобанова и В. Чалмаева (кстати сказать, истерические по тону, ибо любая утопия, по-видимому, неизбежно истерична), но пересмотр ценностей на три четверти он принять не мог. Режим потерял даже чувство самосохранения, оказался нечувствительным, как и всякая самодостаточная структура, к сигналам беды.

В этих условиях журнал «Вече» не мог не появиться. Он не только позволял рассуждать о таких материях, о которых не могли и, наверное, не смогли бы говорить ни «Огонек», ни «Молодая гвардия», ни «Новый мир».

«Вече А. Янов оценивает вполне объективно (даже лестно, что и поныне – большая редкость).

Причины гибели журнала, а тем самым, и гибели либерального национализма проанализированы настолько убедительно, насколько это возможно (у А. Янова безупречное историческое чутье)³. Он прав. В «Вече» столкнулись два крыла: те, кто старались опираться на славянофильство в его классической форме, и те, кто опирался на славянофильство третьей волны. Причем – и это я хочу подчеркнуть – «обогащенное» теми софистическими идеологемами, которые усиленно пошли в ход, начиная с 1917 года.

В. Н. Осипову было трудно. Хотя он в этом не признавался (сдержанность и скрытность – его вторая натура), по намекам и оговоркам можно было судить о силе давления третьей волны (тех славянофилов-утопистов, которые на все вопросы имели верный и единственный ответ и которые готовы были загонять сомневавшихся в свой «рай» хоть кнутом. Что этот «рай» должен быть построен еще при их жизни, разумелось само собой.).

Я, конечно, говорил Владимиру Николаевичу о своем отношении к тем или иным статьям. Особенно, если считал какую-нибудь из них

³ Правда, оно начинает изменять ему, когда он подыскивает ключи к энигмам настоящего. Не помню, было ли это радио- или теле-интервью, но его «находки» свидетельствовали, что существование в американско-европейской системе координат есть в то же время существование в системе иной ментальности, чем наша. Далекое не видится на расстоянии.

антиславянофильской по духу, хотя и перенасыщенной славянофильской фразеологией. А таких статей появлялось со временем все больше. Он в ответ ссылался на то, что как главный редактор должен соблюдать принцип равнопредставительства, давать высказаться всем, чтобы избежать расколов и смуты в таком небольшом кругу единомышленников. Смущало меня и другое: низкий уровень художественного раздела журнала. Не помню — была ли в нем проза, но стихи были настолько тенденциозно-аллегоричны, что оказывали «Вече» плохую услугу: они наглядно свидетельствовали о низких творческих возможностях поэтов, принимающих славянофильство. А этого следовало остерегаться: ведь в журнале важны не только прямые (публицистические), но и косвенные (художественные) способы влияния на читателей.

Смущал меня также и избыток конфессиональных материалов, что, на мой взгляд, не шло на пользу журналу — верующим эти материалы были не нужны, а неверующим казались непонятными и «экзотичными». Наверное, такая оценка была продиктована моим слишком светским славянофильством, предполагающим постепенное — учитывающее мотивы и установки личности — принятие православного учения. От которого отучали и от которого отвыкали. Мне кажется, что я был в этом отношении прав: данные социологического опроса в 1989 г. свидетельствуют, что в РСФСР верующими себя считали процентов 30 взрослого населения. Вряд ли во времена «Вече» верующих было больше.

Как я уже говорил, анализ материалов журнала, издававшегося В. Н. Осиповым, проведен и корректно, и добросовестно, и убедительно. Но с одним предположением А. Янова я не могу согласиться. Не могу, хотя и не сумею доказать правомерность и своего утверждения.

А. Янов считает, что журнал как почти легальный существовал из-за того, что его прикрывали сверху. В. Н. Осипов намекал на это, но лишь намекал. Избегая говорить подробно. Спрашивать и расспрашивать я не считал возможным — это считалось явным нарушением диссидентских правил. И спрашивающий, и отвечающий знали — чем больше говоришь и знаешь, тем быстрее получишь срок.

Если такое прикрытие и было, то оно шло через цепочку посредников. И, думаю, не очень короткую. И вряд ли обеспечивающую чистоту и точность связи: к естественным шумам могли добавляться и искусственные — борьба честолюбий, завышение престижа и социальной роли, блеф, дезинформация. И можно только догадываться, насколько договаривающиеся стороны не понимали друг друга, делая вид, что понимают.

Если такое прикрытие и было, то вряд ли это было прикрытие сторонников. Там, наверху, их не бывает. Ни в каком качестве. Там шла игра, ставки были крупные — клась, карьера и их спутника — деньги. «Вече» было весомой (может быть, и козырной) картой в этой игре. Но

карта могла быть и иной. Хотя и не совсем, поскольку в двоящуюся карту удобно было играть: она позволяла шулерам вывернуться и доказать, что они не передергивали, что на кону – все те же настоящие госзнаки узаконенной веры, а не какая-нибудь запрещенная валюта.

Знаю – А. Янов может возразить: «Да обратите же внимание на согласованность взлетов и падений тех, кто имел хоть какую-нибудь властичку, с судьбами журналов? И с судьбой «Вече», в частности? Неужели в этом нет никакой закономерности?»

Наверное, есть. И все-таки допускать, что честность, добрая воля и знания присущи и этим взлетающим и падающим благодетелям – значит слишком хорошо о них думать.

Самое трудное для меня – это вопрос об участии в журнале. Если бы под руками были экземпляры «Вече» – я бы точно указал, какие из статей мой (неполный комплект журнала я отдал собирателям диссидентских архивов).

Хорошо помню, что была напечатана статья о теории пассионарности Л. Н. Гумилева, а также о Китае – «культурная» революция и прогнозы развития страны (но это, по-видимому, не та статья, о которой упоминает А. Янов). Я напечатал в «Вече» статью о журнале «Новый мир» (кажется, в связи с его закрытием) и статью об «Августе 14-го» А. И. Солженицына (как мне рассказывал В. Н. Осипов, А. И. С. не очень-то одобрил оценку его романа).

Были еще напечатаны и реплики-фельетоны (сколько – не помню, темы – политические и литературные). В одном из последних номеров журнала (№№ 10–12?) напечатал полемическую статью (название полностью ушло из памяти) – в ней спорил с авторами тех статей, которые, как я считал, нежелательны для «Вече» и роняют его авторитет.